

ЭПИДЕМИЯ ЧУМЫ В ХАРБИНЕ 1910—1911 гг. В ГАЗЕТНЫХ КАРИКАТУРАХ

*Ратманов П. Э. **

Резюме: В статье представлен анализ и интерпретация иллюстраций в харбинской газете «Новая жизнь» об эпидемии легочной чумы в Харбине 1910—1911 гг.

Ключевые слова: чума, Китай, Д. К. Заболотный, периодическая печать

PLAGUE EPIDEMIC IN HARBIN 1910—1911 IN NEWSPAPER CARTOONS

Ratmanov P. E.

Summary: The aim of the paper is to analyze and interpret pictures in Harbin newspaper «Novaya zhizn'» about an epidemic of pneumonic plague in 1910—1911 in Harbin.

Keywords: plague, China, D. K. Zabolotny, periodicals

Особенностью эпидемии чумы в Маньчжурии 1910—1911 гг. является то, что она была очень хорошо документированным событием. Она обсуждалась в газетах по всему миру, стала предметом дипломатической переписки между внешнеполитическими ведомствами разных стран, отчеты об эпидемиях были опубликованы на многих европейских и азиатских языках. По окончании эпидемии были изданы фотоальбомы.

Как отмечают Е. В. Шерстнева и М. В. Поддубный, «любая историческая эпоха имеет свое преломление в быту». Именно эти детали быта создают в итоге дух, атмосферу времени [1]. В историко-медицинских публикациях визуальные источники не часто становятся предметом исследований. Как правило, фотографии, живопись, рисунок и плакаты используются авторами для «украшения» своих работ, и детальному анализу не подвергаются. В XX в. в

* Дальневосточный государственный медицинский университет», г. Хабаровск

Ратманов Павел Эдуардович — д.м.н., проф. кафедры общественного здоровья и здравоохранения; ratmanov@gmail.com

центре внимания историков медицины была научная и медицинская значимость источников, а карикатуры в газетах на врачей такую информацию не давали. Исследуемые в данной работе рисунки несут обывательский характер, и отражают, скорее, взгляд на медицину со стороны пациента, что соответствует методологии социальной истории медицины. Проанализированные нами рисунки в харбинской газете о чуме и врачах, с ней борющихся, показывают отношение части общества к эпидемии и медицине. В них мы видим негативное отношение к китайскому населению, их образу жизни и политике китайского правительства. Китай на этих рисунках предстает некими декорациями, на фоне которых русские врачи проводят свой очередной раунд борьбы с чумой. Газета «Новая жизнь» показывает нам исключительно русскую историю, в которой нет места китайским врачам с европейским образованием, японским и английским докторам, хотя они рука об руку работали с русскими коллегами. В этих рисунках отчетливо проявляется отношение к русским врачам, приехавшим на борьбу с эпидемией, как к «чужим», и их деятельность всячески высмеивается. Об особой идентичности русских жителей Харбина уже в первые десятилетия существования города писала канадская исследовательница русской общины Харбина Ольга Бакич (Olga Bakich). По ее мнению, уже к 1913 г. понятие «русских харбинцев» уже не было тождественно просто понятию «земляки», первое включало в себя уникальный опыт жизни в Маньчжурии и идентификации себя как пионеров и строителей не только железной дороги, но «русского дела в Маньчжурии» [2, с. 55—56].

При изучении конфликта между Д. К. Заболотным и харбинскими врачами обращает на себя внимание постоянная оглядка всех сторон конфликта на центральную власть в Санкт-Петербурге. Будучи в сотнях верст от границ самого отдаленного уголка империи, участники конфликта изначально апеллировали к властным столичным кругам, избегая личных контактов и все промежуточные инстанции. Оппоненты с мая по август 1911 г. писали друг на друга кляузы в петербургские «Биржевые ведомости», «Новое время», «Русский врач», «St. Petersburger Zeitung» и т. д., и уже оттуда новости попадали на страницы сибирских и харбинских газет. Решающим фактором в выявлении победителя в конфликте оказалась близость к власти. Благодаря своим связям Д. К. Заболотный получил поздравительную телеграмму от председателя Совета министров П. А. Столыпина, и это стало финальной точкой в конфликте. Несмотря на то, что эта скандальная история произошла в Китае, из-за сверхцентрализации власти в России конфликт оказалось легче решить через премьер-министра, чем договориться лично.

Как отмечал Марк Гамза в своей работе (одной из лучших в англоязычной историографии по проблеме эпидемии чумы 1910—1911 гг.), разные социальные группы, представленные в то время в Харбине, имели разные взгляды на эпидемию. Среди китайцев это местные и приезжие сотрудники администрации, врачи традиционной китайской медицины и врачи с европейским образованием, средний медицинский персонал, горожане и крестьяне, купцы и бедняки. Среди русских эпидемия имела разное значение для местных жителей, врачей, добровольно приехавших на борьбу с чумой, членов научной делегации, студентов и санитаров, гражданских и военных. И этот список можно продолжать бесконечно (японские, американские, французские, английские наблюдатели и врачи), но мы никогда не сможем полностью воспроизвести «полифонию исторических голосов» [3, с. 182—183]. В данной работе мы показали один из взглядов на эпидемию современников — только одной части русскоязычной общины Харбина. Необходимо отметить, что за язвительной сатирой харбинской газеты, высмеиванием противоэпидемических мероприятий, китайского населения и взаимных обид российских врачей нельзя забывать о самоотверженной работе медицинского персонала, задействованного в борьбе с чумой, и реальной опасности, которая представляла угрозу для жителей всех близлежащих регионов, а также значимости научных открытий, сделанных нашими соотечественниками.

Литература

1. Шерстнева Е. В., Поддубный М. В. Медицинский плакат как средство санитарного просвещения в 20-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2001. — № 3. — С. 61—64.
2. Bakich O. M. Emigre Identity: The Case of Harbin // The South Atlantic Quarterly. 2000. № 1 (99). С. 51—73.
3. Gamsa M. The Epidemic of Pneumonic Plague in Manchuria 1910—1911 // Past & Present. 2006. № 1 (190). С. 147—183.